

Комната была залита мягким теплом ламп. Свет дрожал на стенах, отбрасывая причудливые тени, словно рассказывая тихую, умиротворяющую историю.

Бай Янь почувствовал, как малыш зевнул.

— Спать хочешь?

— Угу, — отозвался тот.

Бай Янь бережно взял его лицо в ладони, и изящные пальчики Чэн Юя крепко сжались на его широкой руке.

— Послушай меня до конца, а потом поспишь, хорошо?

Чэн Юй покачал головой и прижался к его плечу. Теплый свет, упав на серебристые волосы, заставил их отливать золотом.

— Не бойся.

Бай Янь не сразу понял его слова:

— М?

— Не бойся, я не боюсь.

Голос Чэн Юя был совсем тихим, но Бай Янь расслышал каждое слово. Тот пытался успокоить его, уверял, что ему самому не страшно. Оказалось, малыш всё понимал, просто молчал, не спрашивал ни о чем, пребывая в своем собственном мире. И Бай Янь был безмерно счастлив, что Чэн Юй впустил его в этот мир.

— Да, не боимся. Маленький Апельсинчик такой храбрый, — Бай Янь наклонился и прижался лбом к его лбу.

Густые ресницы щекотали кожу, словно крошечная кисточка, бередя сердце Бай Яня.

— Бай Янь.

Чэн Юй произнес его имя уже во второй раз. Бай Янь удивленно поднял голову: из-за когнитивных нарушений память малыша была очень короткой. Иногда он забывал даже то, что произошло два часа назад.

— Я здесь.

На щеках Чэн Юя проступили ямочки, он улыбнулся, но промолчал. Казалось, он позвал его лишь для того, чтобы убедиться, что он все еще рядом.

На следующее утро биологические часы Бай Яня разбудили его ровно в шесть. Чэн Юй еще крепко спал, а плотные шторы не пропускали в комнату утренний свет. Серебристые волосы

разметались по подушке, открывая половину чистого, бледного лица. Бай Янь не стал сразу вставать, с интересом накручивая прядь волос малыша на палец.

Внезапно в воздухе разлился древесный аромат, а температура его тела подскочила до пугающей отметки — период гона начался раньше срока. Феромоны, словно автомобиль с отказавшим рулевым управлением, заполнили комнату, хаотично ударяясь о стены. В следующую секунду они властно окутали омегу, лежащего рядом. Бай Янь, еще сохраняя остатки рассудка, вызвал через нейросеть Словева, вскочил и, пройдя через ванную в соседнюю комнату, заперся там. Он боялся, что не сдержится, а блокаторы остались в кабинете, и добраться до них он был не в силах.

Густой запах ветивера разбудил Чэн Юя. Он пошел на источник аромата, но дверь оказалась заперта. Впрочем, не беда — у него был ключ. Малыш побежал в гардеробную и открыл баночку, где хранил свои сокровища. Помимо блестящих камушков там лежало несколько ключей. В прошлый раз, когда он открывал эту дверь, он спрятал все ключи от этих комнат.

Щелк. Бай Янь, ожидавший прихода Словева с блокаторами, увидел, как запертая дверь отворилась. На пороге показалась пушистая голова Апельсинчика. Бай Янь даже не знал, злиться ему или смеяться — ну что за ребенок.

— Чэн Юй, выйди и закрой дверь. Не подходи ко мне, будь послушным.

Бай Янь был вынужден выставить его, так как едва сдерживался. Находиться в одной комнате с нежным омегой, будучи в периоде гона — это неизбежно привело бы к беде. Феромоны уже бесконтрольно тянулись к Чэн Юю, пытаясь пробудить в нем отклик.

Вкусно пахнет.

Малыш, совершенно не осознавая опасности, подошел к альфе. Окутанный древесным ароматом, он принес с собой удовлетворение собственнических инстинктов альфы. Не получив успокоения от омеги, альфа стал раздражительным, а запах ветивера сделался еще гуще. Потерявший рассудок хищник нетерпеливо стремился загнать добычу в свои владения.

Тук-тук-тук.

— Убирайся!

Альфа, которому помешали, был подобен ходячей бомбе. Вспыхнуть мог в любую секунду.

— Бай Янь.

Рука малыша легла на его черные волосы. Раздражение в темно-красных глазах Бай Яня чуть улеглось, и он потерся головой о маленькую ладошку. Хотя он не получил успокаивающих феромонов, прикосновение помогло ему немного прийти в себя и вернуть крупицу здравомыслия.

— Входи.

Словев принес три ампулы блокаторов. Феромоны в комнате были настолько тяжелыми, что даже 3S-альфа чувствовал давление. Словев напрягся, каждая клетка его тела была готова к обороне. Альфы по своей природе воинственны, и при встрече с равным по силе неизбежно возникает конфликт и борьба за доминирование.

Бай Янь одной рукой закрыл глаза Чэн Юю, а другой, из последних сил, ввел себе препарат. Нужно было подождать полминуты, пока подействуют все три дозы.

— Все в порядке, — прошептал Бай Янь, чувствуя облегчение: феромоны перестали бушевать.

Он все еще переживал. Зная, что железы Чэн Юя повреждены, он был удивлен, что тот никак не отреагировал на столь мощный выброс феромонов. Нужно будет спросить об этом у Эйса. Но сейчас было дело поважнее: из-за гона они потеряли время, уже было восемь тридцать, а операция была назначена на девять.

— Господин, в больнице все готово, — Словев как раз пришел сообщить об этом, когда получил сообщение с просьбой принести блокаторы.

— Пусть Опу сопровождает Чэн Юя в операционную, — Бай Янь собирался идти сам, но Чэн Юй был слишком чувствителен к врачам, особенно в форме. Он боялся, что малыш будет нервничать, а знакомое лицо рядом поможет ему сохранять спокойствие.

Бай Янь привез его в больницу и помог переодеться в хирургический халат.

— Пусть Опу пойдет с тобой, а я подожду снаружи, хорошо?

Чэн Юй кивнул и последовал за Эйсом и Опу в операционную.

— Дядя, ты... — как только двери закрылись, маленький Бай Лоци поспешно отскочил от Бай Яня подальше. Слишком страшно, слишком страшно.

Бай Янь бросил на него мимолетный взгляд и сел на скамью в коридоре.

— Подготовь мне еще блокаторов.

Словев схватился за лицо:

— Господин, доза, которую вы ввели сегодня, уже превышает все нормы!

Побочные эффекты были огромны, обычному альфе в день разрешалась максимум одна инъекция.

— Отдохните немного. Эйс сказал, операция займет три часа. Вам нужно успокоиться, это не поздно сделать и сейчас.

Бай Янь понимал, что слова Словева разумны. Он посмотрел на закрытые двери операционной.

— Подготовь мне палату, я не хочу возвращаться в поместье.

Раньше Бай Янь всегда переживал гон в одиночестве, в специальном изолированном помещении в поместье. Словев подготовил для него палату этажом выше, предварительно освободив весь коридор. В этот раз гон был сильнее прежних. На голове непроизвольно появились леопардовые уши. Феромоны бесконтрольно расплзались по палате, температура тела стала пугающей. Период гона — это тяжкое испытание, особенно для 3S-альфы.

Когда Словев вернулся, палата напоминала руины, но концентрация феромонов значительно снизилась. Рядом с альфой валялись две пустые ампулы. Стоп, кто принес ему блокаторы? Впрочем, ответ был очевиден: за дверью прятался маленький пухляш — должно быть, Бай Янь заставил Бай Лоци принести их.

«Ладно, потом спрошу у Эйса».

— Господин, операция окончена. Маленького предка перевели в обычную палату, действие наркоза еще не прошло.

Когда Бай Янь вошел, Чэн Юй лежал на кровати совершенно неподвижно, нарушала тишину лишь мерная дробь приборов. Нань Шу не стал брить ему голову, лишь аккуратно обмотал лоб и правое ухо толстым слоем бинтов.

— Хорошо, что вы пришли, я объясню правила ухода, — Нань Шу, уже сменивший халат, листал историю болезни. — Через три дня можно будет выписаться, но в это время...

Место операции должно оставаться сухим. Необходим полный покой: никаких резких движений, даже чихать нельзя. Диета должна быть легкой, никакой острой или раздражающей пищи, предпочтительнее мягкие, легкоусвояемые продукты. Возможен легкий шум в ушах, головокружение или незначительные выделения — это нормально.

Бай Янь тщательно записывал каждое слово в нейросеть, не упуская ни одной детали. Нань Шу, закончив, ушел — операция отняла у него много сил, и он хотел поспать.

<http://bllate.org/book/22320/2337272>